

Чайник без головы

Итоги X международного конкурса им. Чайковского по специальностям «скрипка», «виолончель» и «фортепиано»

Юлия Бедерова

С

поры о возможности отделения имеющейся в наличии головы от безналичного тела у Кэрролла не привели ни к какой определенности. «Палач говорил, что он такого никогда не делал и делать не собирается, стар он для этого, вот что!» Если уж на то пошло, сама природа допускает частичную недоволощенность как целое: головастиков, например. Но что касается объектов безголовых, они мертвы, и в этом нет сомнения. Поэтому наличие головы всякого конкурса — первой премии — необходимо не для поддержания традиции, а для существования жизни.

То, что вышло из X юбилейного «Чайковского», было подобно тихому обвалу. Фантастическому и беззвучному. Возгласы «Позор!» раздались только тогда, когда имя Анастасии Чеботаревой, добротной и крепкой скрипачки, очутилось в графе «вторая премия». Вместе с нервной и тонкой семнадцатилетней Дженифер Кох. Победа американки истаяла в воздухе чеширской улыбкой. Третью поделили сложившийся музыкант Марко Рицци и способный россиянин Граф Муржа (в зале — уже только сдержанный ропот). Четвертую — Офер Фалк и Андрей Гречишников (шорох изумления).

Девиз юбилея: «Тебе половину и мне половину, твою половину еще пополам». Все, что и где можно было поделить, поделено по христиански. И в назидание будущим конкурсантам — ни одной первой премии. Ни в одной из категорий. Тотализатор шелкнул, дернулся, изухел дымком и затих. Служитель незаметно и печально покинул помещение. Победителя в этой игре не оказалось. На его месте образовалась бесцветная дырка разочарования, распространяющая вокруг вибрации недоумения и тревожной безголовости. Растаял призрак тотализатора, и над Большим залом проплыла тень Всадника без головы.

И если на турнире скрипачей по справедливости всем нужно дать дипломы, у пианистов дело обстояло иначе. Но, выйдя в ночь из БЗК после объявления результатов, члены фортепианного жюри растерянно покачивали головами. Как будто решение было принято не ими, а теми

— Ну, как дела? — спросил Кот, как только рот его обозначился в воздухе.

Алиса подождала, пока появятся глаза, и кивнула.

— Отвечать сейчас все равно бесполезно, — подумала она. Подожду, пока появятся уши — или хотя бы одно!

Через минуту показалась уже вся голова. Кот, очевидно, решил, что головы вполне достаточно, и дальше возникать не стал.

Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес

ными силами, украсившими определенность, смешавшими все карты. Похоже, негласная иерархия ценностей, которая всегда выявляла очень хорошего «нашего» и приезжего, обычно западного, гения, растворилась без остатка. Оттого так и странен окончательный расклад. Западный Маркхэм финал практически не сыграл. Не потянул масштаб и технику. Диплом. Что делал в финале Хироси Ариомори — не ясно. Тоже диплом. А чемпион турнира по технике, качеству, уму и профессионализму, то есть умению сделать руками на инструменте то, что голова придумала, Александр Штаркман удостоился пятой премии. Последней из присужденных. Четвертую поделили мастер грома и пеня Зон У и семнадцатилетний Александр Гиндин. Эмоциональный, талантливый; но руки его под натиском движений души тонут и захлебываются. На одну третью премию также пришлось двое обладателей. Напряженность и Легкость. Единственная женщина в финале, героическая и серьезная кореянка Хэй Сун Пэк, своей действенностью и вовлеченностью заставившая, наконец, Синайского вовлеченно подирижировать, и Вадим Руденко, Мистер Пианизм и Роскошные руки. Ко всеобщему изумлению (так желали музыканту первой премии), Николаю Луганскому отдали вторую. Но тоже почетную. И все призы симпатий, как и Дженифер Кох. Луганский к тому же получил кентавра, сотворенного Эрнстом Неизвестным, стоимостью дороже первой премии. «Ученику и Учителю», то есть покойной Николаевой. И Луганский и Руденко в финале в пандак Чайковскому играли Третий концерт Рахманинова. Процесс сравнения был захватывающим. В исполнении почти победителя не было волшебных откровений, но не осталось и вопросов. Все поражающе охватывало и философической основательностью. Образ музыки интеллигентно воссоздавался таким обобщенно-углубленно-прекрасным, каким он компактно проживает в глубинах коллективного бессознательного. Всегда парящим и когда-то тре-

вожащим. Руденко играл просто, приятно и свободно. Музыка в этой свободе дышалась глубоко и ровно. Как во сне. А что бездумно, так в этом свое очарование. Бездумное. Но пустотой завораживающее. Из этой замороженности и возникала тревога. Почти не ошутимая. Сквозь спокойный сон.

Последние надежды на свершения опрокинули итоги виолончелистов. Результаты в самой интересной номинации оказались феерическими. Кроме первой премии, не присуждены еще и вторая и третья. Обвал, и все усилило под обломками. Четвертую опять же поделили американка Мун и Егор Горюнов. Пятая ушла в пустоту, шестая — Вьерсен, Нидерланды. И пять дипломов в утешение. Эффектно и честно. Что-то произошло при подсчете баллов после второго тура. Шаховская, председатель жюри, появившаяся в последний день второго тура, видит в этом происки врагов. Хотя сама считала. Соломоново решение — компенсация за ошибку. Или самое веское, жесткое слово конкурса Чайковского, не желающего смириться с новым статусом одного из многих. Как прежде, все должно быть супер. Тогда и будут суперпремии. Подождем, пока появятся уши или хотя бы одно. А там, глядишь, и голова у конкурса.

РУСЛАН ПЕТУН

И что он песней выражает?

Результаты конкурса имени Чайковского среди вокалистов

Алексей Парин

П

ервый тур я бы назвал «Фрида». Вы меня, конечно, поняли: надо выделить из толпы, добиться, чтобы перестали подавать платок фатальной неотличимости. Самый легкий тур: у каждого при желании достанет боевого азарта.

Второй тур: «Мастер». Получив шанс, докажи, что тебя выделили не зря, что твое право высказывания основано на мастерстве. Самый трудный тур: вся твоя суть как на ладони, и никого не обмануть.

Собственно говоря, второй тур длится всю жизнь, повторяясь на разных уровнях.

Третий тур: «Маргарита». Как известно, королеву на бал у Сатаны каждый год выбирают заново, и у всякого есть шанс: все зависит от окружения. Самый несправедливый тур: Сатана выбирает не в одиночестве; у Геллы, Коровьева и Фагота есть свои предпочтения и способы воздействовать на мессира. Самый горький тур: если тебя вознесло, помни, что Маргариту выбирают на одну ночь, в лучшем случае несколько позже будешь гулять с Мастером под вечными липами и слушать вечного Шуберта.

Обозревателю остается только признаться в том, что, соглашаясь с жизненностью конкурса, но сомневаясь в его объективной художественной значимости, он (обозреватель) воспользовался предоставленной возможностью посмотреть берлинскую оперную продукцию (см. рецензию на следующую неделю) и стал следить за передвижениями вокальных батальонов лишь с середины второго тура. Сделав это признание, добавлю, что сегодня настроен на эгегический лад — и отправлюсь в путь. Вперед, читатель, и я покажу тебе, что в жизни есть настоящая любовь и великое искусство, но люди остаются людьми, и что с них взять.

Конкурс хочет быть похожим на гала-концерт, но довольствуется уровнем классного вечера. Классные вечера профессора Важи Чачавы, впрочем, бывают намного содержательнее в художественном отношении.

К моменту, когда высокоцитируемое жюри удалилось на совещание после третьего тура, лично у меня накопилось четыре ярких впечатления.

Американка Лора Клейкомб, сочетающая во внешности экстравагантность Барбары Стрейзанд и пыл Чечилии Бартоли, сделала свое пение метафорой творчества вообще, как бывает только с большими художниками. Всякий раз, когда певица бралась за дело, возникал хрупкий, тонкий, но ясно зримый образ: кабы знала, кабы вела эта несчастная, чем обернется любовь, все равно бы ходила за околицу, столько в ней любви; буффонка Зербинетта растормошила бы любовью Ариадну своим актерским зорочьем; Шемаханская царица, грания каждый слог русского модерниста, обнаруживала свое парижское, сезон-русское происхождение и уводила ее с собой в шатер, а по набережному Сены. Матовый, как бы расфо-

Хотим мы того или нет, нам приходится с неизбежностью вступать в этой жизни в конкурс. Можно даже сказать, что три тура — естественное отражение трехчастной формы жизненного конкурса (музыканты сразу вспоминают о трехчастной сонатной форме).

Хотим мы того или нет, образы булгаковского «Мастера и Маргариты» оказываются универсально приложимыми.

кусированный голос Клейкомб влек к себе дымкой, пеленой, ее верхние ноты звучали диковинно и зыбко; это была метафора творчества, но творчества аклассического, ставящего жесткий технический канон под сомнение, если угодно, метафора вдохновения в духе постмодерна, метафора слабости художника в этом мире грубой силы и жестких правил. На вопрос, «о чем в тени ветвей» поет известный нам певун и «что он песней выражает», наша Лора отвечала изящно и просто.

Абхазка Хибла Герзмава привлекла живостью и премиленьким голоском. Жеманство было нечрезмерным, свежесть — неподдельной; ее Снегурочка умирала не от любви, но скорее от желания показать себя; зато вот Розина точь-в-точь соответствовала индивидуальности вокалистки: она умела бороться за место под солнцем и давала понять окружающим, что твердо намерена стать графиней Альмавивы, а может быть, и королевой. Вероятно, у нее были основания именно так строить свой имидж.

Певица Большого театра Марина Лапина во втором туре меня просто потрясла. Ее большой, правильно выстроенный голос точно соответствовал амплуа: драматическое сопрано *par excellence* заявляло о своей законной примадонности. Но восприятие цепенело и холодело, не в силах осмыслить происходящего. Динамические кульбиты, крепко льющееся legato, бешеные скачки сверху вниз не создавали образ, а сокрушали его. Хрясть — и пополам! Возникла метафора идеального лесоповала: незрала, неслышная, высокопрофессиональная электропила рядком валела деревья под кличками «Лиза», «Тоска», «Катерина Измайлова». Последнее дерево свалили, правда, с особенным хрустом. Но и в молитве Тоски, спетой с редким даже для Лапиной равнодушием к смыслу, не услышать императива «мое, не отдам» мог только глухой.

Честь сильного пола спас китайский баритон Чен Е Юен. Его Фигаро не суетился, но не без изящества делал свое брадобрейское и певческое дело; его Елецкий не переслащав сироп кантилен, но объяснялся в любви, давая понять, что лад, настоящая любовь существует, хотя и рядится в нищие слова.

Еще одно художественное впечатление от третьего тура: артистизм Валерия Полянского, весь вечер пытавшегося строить образ вопреки большинству певцов, а иногда и попереки погрешностей оркестрантов Государственной симфонической капеллы России.

Было, впрочем, еще одно впечатление и от второго тура: яркий лирический талант китайки Циан Хуанг, но она, вероятно, составляла невыгодный фон для таких малохудожественных явлений, как некто Захарчук и некто Гелахов, и потому в третий тур не прошла. Слава Богу,

приз Ананова как раз за артистизм достался нежной Мими из Китая.

Незаметно от художественных впечатлений мы перешли к политике (которая есть и у жюри, и у публики) — нас к этому толкает сама жизнь, ничего не сделаешь, и от этого мое эгегическое настроение.

Потому что если на вокальном конкурсе и не произошло скандала, то трикурс горечи остался все же значительный. Пойдем в премиях снизу вверх. Третья премия упомянутой Гелаховой (колхозное вытье Далилы), недостойного упоминания Давыдова (после трех «Куда» этого Ленского можно было снимать с дистанции) и из рук вон плохо певшего на третьем туре корейца Хо Тван Су, равно как и вторая премия вышеназванной Захарчук объяснимы только исходя из девииза «Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно». Радуюсь за любимую Лору, получившую вторую премию, горюю, что ее унизили соседством с Захарчук. Первые премии Чен Е Юена и Марины Лапиной понятны в контексте, но на самом деле вся шкала должна была бы (если не жить лозунгом «здесь и сейчас», а сохранять в ушах вечные образцы) опуститься на две ступени вниз: бронзовые медали — как раз потолок. Гран-при, присужденный Хибле Герзмава, приводит в некоем смятении: само понятие Гран-при как особого отличия находится в принципиально ином измерении, чем пение этой милой девочки, ученицы в искусстве, ни на одну ноту искусство не обогатившей.

Политика, политика. Обозреватель, видите, тоже не удержался и взял поучающий тон. Все хотят быть правыми: Важа Чачава, например, демонстративно преподнес роскошный букет роз на третьем туре Марине Лапиной, чтобы дать понять своим партнерам по творчеству Соткилаве (председателю жюри) и Елене Образцовой (входящей в состав оног): вот она, королева, что бы вы об этом ни думали. Блестящий театральный ход. Все хотят быть правыми, но в политике правых нет, а есть только победители. А что они делают потом — важнее всего. Например, Наталия Ерасова, получившая как-то стараниями Архиповой первую премию, сошла на нет, а Барбара Килдафф, певшая некогда в третьем туре ровно то же, что наша Лора сегодня, блистает на сцене Метрополитен и где угодно.

Главная моя мука — что я не музыкант. Но во время конкурса я радуюсь этому обстоятельству: мне никогда не стать членом жюри, и моя собственная правота останется частностью, в которую не будут вторгаться чужие, грубые руки, частностью, не претендующей на раздачу слонов, частностью, в лучшем случае интересной читателю. Потому что неизвестно, что хуже: унижить достойного или увенчать лаврами приглянувшуюся серую мышку.